

Благотворительность в контексте модернизационных процессов в России в XVI — начале XX в. (общероссийский и региональный аспекты)

Светлана Ивановна Лазарева,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

Статья посвящена истории становления и развития благотворительности в России, в том числе и на Дальнем Востоке, в XVI — начале XX в. Рассмотрены основные «институты помощи бедным», их цели, задачи, особенности их деятельности на каждом новом этапе развития общественного призрения и благотворительности. Акцентировано внимание на развитии законодательства в сфере помощи бедным.

Ключевые слова: благотворительность, общественное призрение, социальная помощь, институты помощи бедным.

Charity in the Context of the Modernization Processes in Russia from the 16th to the Early 20th Centuries (National and Regional Aspects).

Svetlana Lazareva, The Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

The paper is devoted to the history of charity formation and development in Russia as well as in the Far East from the sixteenth to the early twentieth centuries. It examines the main organizations that helped poor people, their goals, tasks, and peculiarities of their activities at each new stage of the development of public charity and assistance. Special attention is paid to the development of legislation to help the poor.

Keywords: charity, public assistance, social aid, organizations that help poor people.

Благотворительная деятельность на протяжении нескольких веков в Российском государстве оставалась нравственным эталоном жизни общества, менее всего подверженным текущей политической конъюнктуре, классовым пристрастиям и социальным теориям. Эта на первый

взгляд малозаметная сторона общественной жизни совсем не исследовалась в советский период, ибо противоречила идеологическим установкам отечественной историографии. Только в 90-е гг. в общественном мнении наметился отход от отрицательных оценок деятельности русских предпринимателей-благотворителей, что способствовало утверждению в исторической литературе мнения о необходимости многоаспектного изучения истории российской благотворительности.

Многие стороны благотворительной деятельности, несмотря на её научную и общественную значимость, до сих пор не получили должного освещения в современной исторической литературе. Так, например, вопросы о становлении и деятельности «институтов помощи бедным», их особенностях на каждом историческом этапе, прежде всего на региональном уровне, нуждаются в дальнейшей разработке.

В многочисленных исследованиях российской благотворительности, появившихся в последние десятилетия, рассмотрение процесса институционализации в основном фрагментарно, авторы редко выходят за рамки первоначального накопления и освоения материала. Необходимая терминология не устоялась, в различных работах по-разному трактуются даже такие важные понятия, как «благотворительность», «призрение», «общественное призрение», «государственное призрение» и т.д. Всё это заставляет учёных уделять особое внимание разработке этой важной как в теоретическом, так и в практическом отношении темы.

Необходимость развития общей истории российской благотворительности, охватывающей все стороны и этапы её развития, диктуется также и тем, что только в рамках исследования, где будет последовательно и всесторонне рассмотрено становление и развитие этого сложного явления, можно определить роль и место благотворительности в жизни российского общества, выявить особенности «институтов помощи бедным» (комитеты, общества, комиссии) в разные периоды развития Российского государства. В данной статье автор делает попытку показать некоторые из них, типологически характерные для каждого исторического этапа, раскрыть их роль в благотворительном движении. Отечественные исследователи выделяют три основных этапа: до середины XVI в., с середины XVI в. до 1862 г., с 1862 г. до 1917 г.¹

До середины XVI в. господствовала личная благотворительность, проявлявшаяся в форме милостыни всем нуждающимся без исключения. В православии милостыня наряду с молитвой и постом являлась составной частью покаяния. На первом этапе благотворительность проявлялась главным образом в церковной сфере. В трактате «Правило о церковных людях» (XIII в.) перечислены благотворительные дела: «Нищих кормление и чад мног, странъным прилежание, сиротам и убогим промышленение, вдовам пособие, девицам потребы, обидным заступление, в напастях поможение, в пожаре и потопе, пленным искупление, в гладе прекормление»².

Благотворительность развивалась стихийно. Она рассматривалась как христианская ритуально-общинная практика. Можно сказать, что уже в этот период начинается институционализация благотворительности, закладывается регламентация оказания помощи, формируются требования и санкции к роли жертвователя и благополучателя. В этот период происходит единение благотворительности и как социальной деятельности, и как социального института. Основной формой помощи была милостыня из рук в руки, которая всё же жёстко регламентировалась обществом³.

В царствование Петра I начинается административная борьба с нищенством (неспособных к работе следовало отсылать в монастыри и церковные богадельни, а тунеядцев — на прежние места жительства с наказанием). Законодательно под угрозой штрафа воспрещалась подача милостыни нищим на улице, а желавшим дать её Указами 1718 и 1720 гг. предлагалось передавать деньги в «...гошпитали и другие таковые подобные места»⁴. Были сделаны шаги к созданию светских заведений общественного призрения. В регламенте Главного магистрата 1721 г. заниматься призрением предписывалось полиции, при этом рекомендовалось по примеру западных стран средства для устройства госпиталей и детских заведений изыскивать не из казённых сумм, а от подаяния зажиточных людей. Центром управления делами призрения в 1721 г. являлся Синод.

Постановления Петра I были направлены большей частью к тому, чтобы сформировать сознательное отношение к нищенствующим, стремление различать их по нуждам и причинам нищеты и на этой основе установить способы и виды призрения.

Со второй половины XVIII в. благотворительность стала осознаться правительством как компонент политики просвещённого абсолютизма. В соответствии с указом императрицы Екатерины II (1763) по плану, разработанному филантропом И.И. Бецким, для призрения «подкидышей и бесприютных детей» стали создаваться воспитательные дома в Москве (1764), Санкт-Петербурге (1770) и других городах. Благотворительность в основном осуществлялась на частные пожертвования. Указ «Учреждения для управления губернией» (7 ноября 1775 г.) разрешил открывать благотворительные заведения частным лицам, обществам и селениям. На его основании были созданы приказы общественного призрения по всей Российской империи (упразднены в 1864 г. в 34 земских губерниях, к 1917 г. оставались в 7 неземских губерниях)⁵. Приказы создавались под председательством губернаторов, что повышало их статус и расширяло возможности в деле оказания социальной помощи различным категориям нуждающихся. На губернские приказы общественного призрения были возложены обязанности по организации и содержанию народных школ, аптек, богаделен, лечебниц для неизлечимых больных, сиротских домов, детских приютов и других социальных учреждений. Приказы общественного призрения были созданы и действовали в Архангельской, Ставропольской, Томской, Енисейской, Иркутской и в западных прибалтийских

губерниях, а также в области Войска Донского. На дальневосточную территорию распространялось действие Иркутского приказа.

Созданные по инициативе государственных органов, многие ведомства бездействовали, а те, которые вели благотворительную деятельность, нередко становились общественными благодаря созданию при них кружков и обществ, построенных на бескорыстном энтузиазме и деятельности активистов.

Призрение бедных, поставленное Петром I в городах в качестве общественного дела, было обращено Екатериной II в обязанность казённых административных органов полиции, с одной стороны, и приказов общественного призрения — с другой. За городскими думами были оставлены лишь заботы о «приращении доходов», предназначенных для «распространения заведений, состоящих под ведомством приказа», которые не составили специализированную часть самоуправления.

Система призрения, созданная Петром I и развитая в некоторых частях Екатериной II, оказалась очень прочной и устойчивой. Это говорит о том, что во многом она была правильной и соответствовала жизненным потребностям. Наиболее неудачными её частями являлись бюрократизм в исполнении и полное устранение активной деятельности общества. Не оценённые в течение XVIII в., они считались по условиям времени скорее достоинством, необходимой принадлежностью всякой системы управления.

Второй этап (с середины XVI в. до 1862 г.) характеризуется уже тем, что сфера помощи бедным выделяется как государственная обязанность, но лишь по отношению к городским жителям. Была разрешена находившаяся под жёстким административным контролем деятельность ограниченного числа добровольных благотворительных организаций, где активную роль играли дворяне и незначительная часть купечества. Шёл процесс становления организованной благотворительной деятельности как части системы государственного управления.

Нельзя сказать, что создаваемая система была совершенна. «Институты помощи бедным» в губерниях не имели чёткой структуры и принципов организации. Их деятельность не была постоянной, и они не могли удовлетворить потребности населения. Но попытки государства охватить все слои населения, нуждавшиеся в помощи, были налицо. Чтобы привлечь внимание жертвователей, самому делу призрения был придан статус национально значимого деяния. Не случайно к делу призрения были подключены члены императорской семьи в ранге высочайших покровителей (Ведомство учреждений императрицы Марии Фёдоровны). При этом учитывались и пожелания жертвователей, сводившиеся к тому, чтобы любая помощь с их стороны была индивидуализирована, т.е. средства жертвователей не перечислялись на статью госбюджета, а направлялись на реализацию заявленной ими идеи и были именными («адресная помощь»).

Таким образом, в этот период происходит институционализация благотворительности, закладывается правовая регламентация данного вида деятельности, начинает формироваться её правовое поле, обеспечивающее работу учреждений. Немаловажным фактором является то, что появляются люди, чьей профессиональной деятельностью стала организация социальной помощи населению. Это тоже позволяет говорить об институционализации данного вида помощи.

К 1862 г. складывается определённая система учреждений социальной помощи: лечебные заведения (больницы, дома для умалишённых), заведения призрения (богадельни, инвалидные дома, дома для неизлечимых больных), учебно-воспитательные заведения (воспитательные дома, сиротские дома), местные благотворительные общества⁶.

Со второй половины XIX в. начинается третий этап развития благотворительности. Под влиянием реформ 60—70-х гг. началось оживление экономики, развитие предпринимательства, накопление капиталов, появилась материальная основа для активизации благотворительности. История благотворительных институтов в пореформенный период неразрывно связывается с системой местного самоуправления, её совершенствованием. В 1860—1890 гг., когда децентрализация власти превращается в одну из доминант социально-экономического развития и органы местного самоуправления берут в свои руки обеспечение всех сторон жизни, благотворительная деятельность постепенно становится неотъемлемой функцией новой системы.

В 1900 г. городское управление Владивостока тратило на общественное призрение 12,1 тыс. руб. Владивосток входил в группу 16 городов, тративших на призрение от 10 до 20 тыс. руб. (Керчь, Харьков, Саратов, Новгород и др.), и вносил на социальную помощь нуждающимся больше, чем Тверь (10,1), Самара (10,8), Николаев Херсонской губернии (10,9), Елец Орловской губернии (12,0)⁷. В этот период случайные начинания постепенно уступают место сознательно поставленным на очередь мероприятиям, являющимся началом систематической борьбы с крайней бедностью.

Складываются важнейшие условия для правильной постановки и развития дела помощи нуждающемуся населению в городах. Во-первых, всеословность городских общественных управлений, позволяющая как можно больше расширить состав городских деятелей из среды всех местных жителей? и в связи с этим возможно больший прилив средств от них. Во-вторых, самостоятельность городских управлений в предоставленном им круге деятельности и ответственность за проводимые мероприятия. В-третьих, широкая и в общих чертах определённая постановка этого круга деятельности, при которой совокупностью мер возможна всесторонняя борьба с отрицательными явлениями городской жизни. В-четвёртых, возможность организации для заведования отдельными отраслями городского управления специальных органов, не стеснённых узкими нормами и небольшим количеством деятелей. В-пятых, достаточность

материальных средств, получаемых из платёжеспособных источников и свободно употребляемых на нужды, определяемые городским управлением согласно действующему закону⁸.

В этот период наблюдается значительный рост благотворительных организаций в различных регионах Российской империи. Важными факторами роста благотворительности на Дальнем Востоке стали появление новых городов, увеличение численности населения, главным образом за счёт пришлого элемента (переселенцы, ссыльные). Большую роль в ускорении темпов переселения в регион сыграли земельная реформа П.А. Столыпина, государственные льготы солдатам, решившим остаться после увольнения из армии, открытие регулярного морского пароходного рейса между Одессой и Владивостоком. Жизненный уровень и степень адаптации пришлого населения были очень низкими, что привело к увеличению числа бедных и безработных жителей в городах. Безработица, бедность, отсутствие жилья становились серьёзной социальной проблемой. В условиях нарастающей социальной напряжённости благотворительность стала одним из важных компонентов саморегуляции общественного организма.

Началом значительного роста благотворительных обществ в России в целом следует считать период с 1861 по 1899 г., когда было основано 95% всех благотворительных обществ и 82% благотворительных заведений. На Дальнем Востоке такой период наступил через 15 лет (с 1876 по 1900 г.). В эти годы созданы благотворительные общества во Владивостоке (1876), в Благовещенске (1886), Хабаровске (1890), Никольске-Уссурийском (1901) и др. В складывающуюся сеть благотворительных организаций входили также Приамурское и Владивостокское общества народных чтений, Комитет благотворительного и попечительного общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия во Владивостоке, Хабаровское церковноприходское попечительство и др. Все они имели универсальные характеристики, типичные для обществ европейской части России, конечно, со своей спецификой.

Несмотря на то что по статистике в последней четверти XIX в. возникло большое количество благотворительных общественных и частных заведений разного типа, возможности существующей системы социальной помощи покрывали общественные потребности чуть более чем на треть, и в дальнейшем несоответствие потребностей общества и возможностей существующей системы лишь возрастало. (Позднее это было отмечено комиссией К.К. Грота по выработке новых законоположений.) К тому же благотворительные учреждения с конца XIX в. перестали отвечать потребностям новообразованного российского общества, в котором с начала XX в. происходили масштабные и необратимые изменения в экономической и социокультурной сферах, вызывая обострение социальных противоречий и проявление новых проблем, связанных с цикличностью капиталистического развития.

К сожалению, многие историки обходят стороной вопрос о противоречиях между ростом благотворительных учреждений, с одной стороны, и ухудшением положения населения страны, неумением правительства разрешить возникшие социальные проблемы — с другой, характеризуя конец XIX — начало XX в. как «золотой век русской благотворительности». Не учитывается, что все попытки радикального переустройства системы общественного призрения и благотворительности в эти годы заканчивались ничем, так как ставилась задача «...разрешить организационные вопросы общественного призрения таким образом, чтобы, не нарушая вековых условий сословно-экономического строя крестьянской жизни, не разрушая связи, существующей между однообщинниками, вместе с тем сделать возможным для них воспользоваться плодами всеобщей организации, т.е. теми культурными силами и материальными средствами, которыми располагает она»⁹.

В начале XX в. стали проявляться недостатки в постановке дела благотворительности и общественного призрения. Одни из них коренились в самой организации благотворительных учреждений, другие зависели от многообразных внешних явлений. К первым относились разъединённость и непланомерность действия благотворительных органов, их слабая предприимчивость, отсутствие регистрации лиц, нуждающихся в той или иной форме помощи. Не было полной осведомлённости о размерах нужды и целесообразности использования тех или иных способов её удовлетворения, мало популяризировались сведения о благотворительной деятельности учреждений, недостаточно оперативно публиковались отчётные данные. Вторая категория недостатков являлась результатом устарелости действовавших законоположений об общественном призрении и нечёткого разграничения государственных и общественных функций по оказанию социальной помощи нуждающимся.

Трагические последствия катастрофического неурожая 1891—1892 гг. (убыль населения только в 152 наиболее пострадавших уездах составила 466 тыс. чел., «...из которых 135 000 должны быть отнесены на холеру, а остальные 331 000 на последствия неурожая») способствовали активизации и консолидации общественности и осмысленной политике правительства в деле помощи бедным¹⁰.

Реформы 60—70-х гг. XIX в. дали простор общественной инициативе в развитии благотворительности, которая в первой половине XIX в. принадлежала элитным слоям общества, прежде всего образованному дворянству, и осуществлялась под покровительством царской власти. После отмены крепостного права был дан толчок проявлению общественной активности. Либеральная общественность, привлечённая к работе на трудном поприще социального призрения, внесла заметный вклад в оформление первоначально разрозненных, эпизодических и потому малопродуктивных благотворительных действий в определённую целостную систему обеспечения материально нуждающихся жителей городов.

Активистами общественного призрения в конце 80-х гг. XIX в. был разработан проект организации постоянной помощи беднейшим слоям населения, направленный на повышение эффективности благотворительности путём организации в городах Российской империи попечительств о бедных. В его основу была положена Эйберфельдская (рейнская провинция Германии) городская система открытого призрения населения, предусматривающая проведение превентивных мер и оказание социальной поддержки обездоленным людям. Основными функциями этого проекта являлись: изучение условий жизни бедных и причин бедности, принятие мер предупреждения и устранения её; составление смет и отчётов; расходование средств по назначению; подготовка необходимых припасов для призреваемых (вещи, продукты).

Таким образом, следующим шагом в развитии «институтов помощи бедным» стало создание сети попечительств, состоявших из губернских и городских отделений. Основная их цель — децентрализация усилий и привлечение к работе добровольных помощников. Новаторство попечительств заключалось в том, чтобы не только содействовать всесторонней реабилитации бедных, но и изменить саму концепцию социальной помощи. Преимущества этой системы в том, что она отсеивала людей, симулировавших бедность, и адресная помощь доходила до истинных нуждающихся.

Первоначально попечительства о бедных были созданы в Москве, поскольку из всех российских городов Москва имела самые разнообразные и устойчивые традиции благотворительной деятельности как частных лиц, так и сословных организаций. Попечительства о бедных (комиссии по призрению бедных) в 1899—1900 гг. были организованы во Владивостоке и Никольске-Уссурийском¹¹. Более 100 чел. стали общественными деятелями участковых попечительств о бедных, которые оказывали помощь всем нуждающимся (единственным условием было проживание во Владивостоке не менее двух лет, т.е. принадлежать к категории постоянных жителей). Более 1/3 одиноких в Приамурском генерал-губернаторстве призревались в заведениях попечительств — богадельнях, приютах. Ещё половина одиноких пользовалась помощью на дому (денежные пособия в течение 8—12 месяцев или пособие одеждой, обувью, дровами, пищей, уходом). Для семейных преобладающим видом помощи были кратковременные 1—2-месячные пособия, определение детей в приют и ясли.

Городские попечительства организовывались по типу существующих благотворительных обществ и действовали независимо от центрального управления. Хотя власти часто посылали в организации руководящие указания и реже — материальную поддержку, можно сказать, что попечительство и существовавшие при них общества были вполне самостоятельны. Местные органы действовали согласно спущенным сверху «Примерным правилам о городских попечительствах, учреждаемых для сбора пожертвований, оказании помощи нуждающимся и постоянном наблюдении за ними»¹². По новым правилам дума могла учреждать при управе

городскую комиссию по призрению или городское попечительство о бедных. Город делился на участки, за которыми наблюдали участковые попечители, как правило, известные лица, обладавшие правом голоса на городских выборах. Попечительство находилось под председательством городского головы или члена городской управы (по избранию думы). По установленным МВД правилам председатель избирался на 4 года думой по предложению городского головы. Так, Владивосток был разделён на 10 участков. Более 100 чел. стали общественными деятелями участковых попечительств о бедных и были готовы отдавать своё личное время на помощь нуждающимся¹³.

Эта форма социальной защиты прошла все стадии системы благотворительности. Создаваясь как государственные структуры и перейдя затем в ведение города, попечительства постепенно становились фактически общественными структурами, действуя неизмеримо удачнее изживших себя приказов общественного призрения. К тому же «призрение бедных» или социальная помощь нуждающемуся населению была поставлена во Владивостоке на достаточно продуманную организационную основу с учётом реальных возможностей как городской казны, так и частной инициативы. И хотя эта помощь была явно недостаточной, тем не менее она облегчила жизнь беднейшим слоям городского общества.

Следует признать, что участковые попечительства представляли собой модель «гибкой» благотворительности. С одной стороны, они находились под муниципальной, а не государственной властью, что позволяло быстро решать все вопросы, связанные с социальной помощью; с другой — подавляющую часть расходов на бедных несли местные общины при небольшой помощи городских властей и финансирование попечительств не ложилось тяжёлым бременем на напряжённый городской бюджет.

К сожалению, городские комиссии по призрению (или городские попечительства) действовали только во Владивостоке (были организованы в Никольске-Уссурийском), но их не было в Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Благовещенске и других городах Приамурского генерал-губернаторства, где городское управление уделяло определённое внимание решению вопросов, связанных с призрением, но проводимые меры были эпизодическими.

Таким образом, создание попечительств о бедных в городах Российской империи явилось значительным шагом в упорядочении всей системы оказания помощи нуждающимся. В городах по Городскому положению 1870 г. городским управлениям было вменено в обязанность заботиться о всех бедных. Но эти заботы при отсутствии единства и системы ограничивались формальным благотворительством в виде устройства приютов и богаделен. И только с изданием «Примерных правил о городских попечительствах» складывается новая система помощи нуждающимся. Только благодаря определённому контролю за жизнью беднейших слоёв населения со стороны специальных служб, предусмотренных новыми

правилами, можно было достичь как адресности оказываемой помощи, так и проводить меры, пресекающие появление у обнищавшего населения девиантного поведения.

Вторым направлением мероприятий, направленных на эффективность общественного призрения и благотворительности, было совершенствование существовавшего законодательства. В 1890-х гг. на правительственном уровне была предпринята попытка выработки новых законоположений. К.К. Грот считал, что обеспечение лиц, «впавших в беспомощное состояние», должно быть одной из существенных обязанностей государства. Свои взгляды он изложил в записке, которую подал в конце 1891 г. в Министерство внутренних дел. По его мнению, первоочередными мерами в области совершенствования законодательства должны были стать: «...определение прав на призрение, во-первых, по местностям (закон об осёдлости), на каких общественных союзах должна лежать обязанность призрения; во-вторых, по личности, — кто имеет право на призрение по возрасту, семейному состоянию, телесным или душевным недостаткам, болезни и т.д.»; «определение источников средств на дело призрения как общегосударственных, так и местных»; «устройство центральных и местных органов, заведующих делом призрения»; «определение способов призрения и учреждений для оногo — рабочих домов, больниц, богаделен, приютов и пр.». Он полагал, что в стройной системе общественного призрения частная и правительственная деятельность должны взаимно дополнять друг друга. К.К. Грот предлагал образовать особую правительственную комиссию «для производства исследования того положения, в каком находится у нас общественное призрение» и «начертания проекта законодательных мер, обнимающих дело призрения во всех его частностях»¹⁴.

В результате была учреждена специальная комиссия под председательством К.К. Грота для выработки законодательства в сфере социального призрения¹⁵. Её создание было правительственной реакцией на последствия катастрофического неурожая 1891—1892 гг. Правительство в целом понимало природу разразившейся катастрофы, но не собиралось воздействовать на причины, порождавшие бедствия, а хотело лишь совершенствовать общеизвестные механизмы, призванные смягчить их последствия¹⁶. Поэтому работа комиссии с самого начала была обречена на неудачу. Необходимость реформы законодательства по общественному призрению объяснялась и тем, что действовавший «Устав общественного призрения» (1857) был составлен методом чисто бюрократической компиляции, многие его положения устарели и давно не работали на практике. Целью устава было не поощрение благотворительной деятельности, а ограничение её для удобства бюрократического контроля. Такой законодательный акт не способствовал решению назревших социальных проблем и требовал переработки.

В итоге комиссия К.К. Грота просуществовала до 1898 г., подготовила проект изменений и дополнений действующих законов об общественном призрении и благотворительности, но совместить сохранение

сословно-экономического строя крестьянской жизни с плодами всеобщей организации призрения ей так и не удалось. Проект не стал законом, но с конца 1890-х гг. Министерство внутренних дел в своих циркулярах стало учитывать данные, накопленные комиссией К.К. Грота.

В последующие годы власть ограничилась лишь частными узаконениями. Среди них Высочайше утверждённое 26 мая 1897 г. мнение Государственного совета «О порядке присвоения особых наименований общепольным установлениям», где законодательно определялся порядок присвоения имён августейших особ и выдающихся граждан учебным, благотворительным и иным «общепольным» заведениям, а также определялись источники финансирования. Так, вопрос о присвоении имён членов императорской фамилии представлялся на усмотрение императора. Присвоение «...наименований в память исторических событий или в честь лиц, ознаменовавшихся на поприще государственной либо общественной деятельности, науки, словесности или искусства» разрешалось министрами, главноуправляющими и губернаторами. Такие учреждения требовалось обеспечить суммой на обустройство, капиталом или недвижимым имуществом, доходность которого была бы достаточной для их содержания. Вместо процентов с капитала могли использоваться также ежегодно выделяемые городскими земскими или сословными собраниями суммы. Капиталы и суммы являлись неприкосновенными и не могли быть употреблены по другому назначению без высочайшего разрешения.

Важным законоположением, регулирующим деятельность благотворительных организаций, было утверждение 10 июня 1897 г. «Примерного устава обществ пособия бедным», по которому предоставлялось губернаторам право без сношения с министром внутренних дел разрешать своей властью учреждение благотворительных обществ пособия бедным, если они принимают примерный устав, а также заменять действующие уставы обществ по их ходатайству примерным уставом.

Особо следует отметить Указ 31 мая 1913 г., которым учреждалось «Попечительство об охране материнства и младенчества», взятое под покровительство императрицей Александрой Фёдоровной. Попечительство было призвано охранять здоровье женщин во время беременности и родов, а также после путём заботы о здоровье детей младшего возраста и особенно грудных младенцев. С этой целью попечительство открыло приют, детские молочные кухни, консультации для матерей и детей и др.¹⁷

Таким образом, с 1862 г. вплоть до начала XX в. рос удельный вес регистрационного законодательства и параллельно регистрация благотворительных обществ и других институций выводилась из-под центральной юрисдикции в сферу компетенции местного самоуправления. К концу XIX в. благотворительность сложилась в общероссийскую систему солидных обществ, учреждений. Исследователи, занимающиеся изучением благотворительности в России, в своих работах подчёркивают, что в дореволюционной России сформировались типы благотворительной

деятельности: частная (милостыня и перечисление личных средств на счёт благотворительных организаций); общественная (благотворительные организации); государственная (система социальной защиты населения); финансирование из бюджета благотворительных учреждений, не состоявших в собственности государства, и создание системы учреждений с целью социальной защиты населения¹⁸.

К началу XX в. были выработаны и общие принципы благотворительности, на которых основывается современная система социальной помощи в России: органам государственного и местного самоуправления вменяется обязанность организации призрения, разделение призреваемых по разряду, учёт индивидуальных особенностей и местных условий, приоритет трудовой помощи. Формы благотворительных организаций, размеры вкладов, сферы их вложений, идейная направленность благодеяний должны иметь непосредственную связь с уровнем развития частных и коллективных капиталов, социальной структурой общества, уровнем культуры и образованности, а также традициями среды.

¹ Благотворительность и милосердие: историко-документальное издание. СПб.: Лики России, 2000. 248 с.; Костина Е.Ю. Благотворительность в России и Приморском крае: (историко-социальный анализ). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. 180 с.; Соколов А.В. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб.: Лики России, 2006. 648 с.; Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в. М.: Наука, 2005. 403 с.; Холостова Е.И. Социальная работа: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2005. 668 с.

² Большая российская энциклопедия: в 30 т. М., 2005. Т. 3. С. 584.

³ Костина Е.Ю. Благотворительность в России и Приморском крае: (историко-социальный анализ). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 46.

⁴ Большая российская энциклопедия... С. 584.

⁵ Там же. С. 585.

⁶ Холостова Е.И. Социальная работа: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2005. С. 37.

⁷ Максимов Е.Д. Городские общественные управления в деле помощи бедным. СПб., 1905. С. 93.

⁸ Там же. С. 96, 97.

⁹ Вестник благотворительности. 1897. № 3—4. С. 32.

¹⁰ Трудовая помощь. 1898. № 9; 1904. № 2. С. 32.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 11. Д. 206. Л. 32—33; Ф. 702. Оп. 3. Д. 148. Л. 24, 29, 30, 34.

¹² Трудовая помощь... С. 189, 190; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 148. Л. 24.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 148. Л. 75 об.

¹⁴ Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII — начало XX в.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25.

¹⁵ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в. М.: Наука, 2005. С. 163, 165, 166.

¹⁶ Соколов А.В. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб.: Лики России, 2006. С. 604.

¹⁷ Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности... № 3. С. 28, 29.

¹⁸ Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900. С. 22—27.